

Сов. кино, 1965, 9 экз.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

РАССКАЗЫВАЕТ БОРИС ЧИРКОВ

Вот лежит перед вами книга. Ва.

Я и горжусь тем, что мне удалось ее написать, но тут же и огорчаюсь, потому что вижу многие ее недостатки. Я хотел, чтобы она была лучше: много раздумывал над ней, старался писать как можно яснее и обстоятельнее, но сделать ее более талантливой — это уже не в моих силах».

Так можно говорить только с другом — искренне, доверительно, правдиво.

Так написана вся книга народного артиста СССР Бориса Чиркова «Опыт и раздумья», вышедшая недавно в издательстве «Искусство». Это разговор с другом — со зрителем, с коллегами, с теми, кто только стоит на пороге искусства, с теми, кто прожил в нем десятилетия — разговор о ремесле актера, благородном и трудном. Автор книги никого не поучает. Он словно думает вслух. И все-таки книга Чиркова уже

теперь, когда ей еще так мало времени «от роду», — признанный актерами разных поколений учебник, пособие, необходимое в творческом поиске артиста кино, театра, телевидения.

«Какие скучные слова!», — скажет кто-нибудь, — «пособие», «учебник». Но я настаиваю именно на них. Ибо в конечном счете письма Щепкина или Буало, так же как и дневники Станиславского или воспоминания о нем Топоркова, — это тоже учебник, это тоже пособие — пособие художнику.

Б. Чирков обращается к вопросу, очень важному именно в наши дни. — к вопросу профессиональной культуры человека искусства, таланту входить и слышать жизнь, таланту труда и терпения: «Рихтер ежедневно часами шлифует свою технику. Плисецкая каждый день отделяет элементы своих движений. Артисты цирка без усталости тренируются всю жизнь. Станиславский до конца своих дней настойчиво совершен-

ствовал свое дыхание и дикцию. А мы? Иногда плохо научены, а чаще — просто ленивы». Вместе с тем он говорит здесь же о таланте зрителя, о том таланте, который есть живая вода искусства, не позволяющая ему стареть.

Требовательность к себе, широта интересов, знание законов жизни — вот какие качества артиста Чирков считает неотъемлемыми. Даже говоря о перевоплощении актера перед камерой или зрительным залом, Чирков требует не просто высокой техники — он отмечает философскую сторону перевоплощения; «актер должен проделывать это не от себя, не от своего ощущения правды, а от лица своего героя, то есть в соответствии с его характером, возрастом, темпераментом и с учетом тех обстоятельств, в каких находится сейчас герой». И здесь мы невольно вспоминаем слова упрека, обращенные Чирковым к себе, к товарищам. «А люди? Сколько их, замечатель-

ных, интересных, разных, проходят не замеченными нами?». Все время проводится здесь параллель: искусство — жизнь, отношение к искусству — отношение к жизни.

А как интересны в книге размышления о специфике работы актера в театре и в кино, об условности театральной и кинематографической, о причинах долголетия или увядания фильмов или, скажем, о том, почему именно кино, сохраняющее как будто искусство актера на долгие годы, в то же время не дает ему бессмертия, делая его знаменем определенного времени.

Мысли и размышления Б. Чиркова очень личны, очень субъективны. Иной раз у читателя возникает желание поспорить с автором (так, например, мне кажутся не вполне точными рассуждения о режиссерском диктате в главе «Актер и режиссер»), но всякий раз это серьезный спор с умным и интересным определенную позицию человеком.

Очень радостно, что появилась у нас эта книга. Актер, который в нашем представлении всегда останется исполнителем самых важных и нужных ролей — ролей Главного Героя, сложно и мудро раздумывает над опытом своим.

А. ПИСТУНОВА.